

Глава II. МАХНОВЩИНА И БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

Как низовое массовое революционно-освободительное движение Махновщина совершенно не дает покою Кубанину. Касаясь с этой стороны Махновщины, Кубанин пишет: «махновцы приняли активное участие в борьбе с немцами колонистами по району. Кроме того, занимая позицию в районе Чаплино, они разоружали отступавшие в Германию немецкие части. Приманкой для борьбы с немцами, - подчеркивает Кубанин, - служили оружие, обмундирование и военное имущество, из-за которого крестьянство чуть ли не поголовно, целыми селами, выступало на борьбу с уже разгромленной (здесь Кубанин не отмечает сознательно того, кем разгромленной. Н.М.), ослабевшей и уходящей с территории Украины немецкой армией».

Верно, что крестьянство поднималось на борьбу с гетманско-немецкой реакцией и ее главным оплотом – контр-революционной экспедиционной, в 600.000, царской немецкой и австрийской армией. Но кто подымал крестьянство на борьбу против этой, неравной в смысле техники, организованности и дисциплинированности контр-революционной силы? – Кубанин не хочет сказать, что это делала группа революционных крестьян-анархистов, ставившая цели освобождения угнетенных тружеников выше всяких партийных или групповых целей, но которые большевики ставили ниже Брестского мира с немецким царем Вильгельмом II и австро-венгерским Карлом и беспрекословного права этих палачей распоряжаться целой революционной страной – Украиной, укрощать ее революционное, трудовое население, лишь бы они не направляли этих сил против их, большевистской власти, на Север и вообще в Россию.

И верно ли то, что Кубанин говорит: «приманкой для борьбы с немцами служили (читай: для крестьян под руководством махновцев) оружие, обмундирование и вообще имущество? Я утверждаю, что отобрание у немецко-австрийской армии оружия было актом революционным, осознанным крестьянской массой и согласованным с необходимостью непосредственной, прямой революционной борьбы ее за свое освобождение от власти помещика и кулака, от власти государства и его чиновника, этого – в буржуазных государствах явного, а в государствах социалистических – тайного слуги фабриканта, помещика и кулака.

На протяжении длительной истории своего рабства, украинское неэксплуатирующее чужого труда крестьянство, не поддавалось внешнему давлению, хранило в себе дух вольности.

Этот дух в общей – рабочих и крестьян – практической революции прорвался сквозь стены реакции и нашел себе простор в стихийных порывах революции – завоевать своему развитию как можно больше прав. В этом открыто у крестьянства вскрывается его родство с идеей анархизма. На этом оформлялось у крестьянства, на Украине в особенности, понятие о революции, как социальном средстве, и о целях, во имя которых нужно совершать революцию. Для политиканов всех мастей, всех партийных окрасок, а с боку их и для некоторых на спех и посредственно заглядывающихся в жизнь крестьянства, анархистов и синдикалистов, кажется страшным утверждение того, что украинское неэксплоатирующее чужого труда крестьянство, приняв непосредственное участие в революции, отдавало себе отчет в том, что антиполитические социальные революции создаются для того, чтобы с помощью их трудящийся люд, умело действуя, мог до основания разрушить ненавистный ему буржуазно-капиталистический строй, со всеми видами и формами его решающе-законодательной политической и экономической власти и чтобы на его развалинах мог создать себе новый свободный строй с его новым правом, новыми социальными и индивидуальными отношениями между людьми. Для людей, во всем и вся ориентирующихся только на город, на его зараженность властью, на его начальническое начало, совершенно не понятным кажется то, что украинское крестьянство с первых дней революции стремилось практически высвободиться от опеки государственной власти, ее начал и партий, поддерживающих эти начала. В замен опеки государственной власти над собой и революцией, революционное крестьянство выдвигало свою трудовую, коллективную волю на весь рост и развитие революции, на все его прямые действия в этом направлении и на действие и недействие противившихся целям революции в пользу контр-революции. А в действительности именно на этих подлинно-вытекающих из крестьянско-анархических тенденций, революционных основаниях украинское неэксплоатирующее чужого труда крестьянство группировало свои силы, определяло задачи дня и действовало против врагов революции в интересах идеи, обеспечивающей свободу и независимость всей трудовой семье. Так родилась в украинской трудовой деревне столь ненавистная большевикам и буржуазии махновщина. Этот не на словах, а на деле авангард тружеников, которые всю свою жизнь находились до революции и продолжали находиться в первые находились до революции и продолжали находиться в первые месяцы во время революции в позорном рабстве под гнетом немецкого заводчика и помещика, еврейского и русского фабриканта и банкира, с поддержкою русского и украинского жандарма и полицейского сыщика.

Как низовое, подлинно трудовое народное движение, революционная махновщина восстала за поправленные права революции против гетманско-немецкой контр-революции. Как таковая – она встретила с оружием в руках и контр-революцию в лице Белого Дона и деникинщины, и, как таковая, она не потерпела и большевистской диктатуры и ее контр-революции, не смотря на свою техническую слабость, лишившую ее в известные моменты возможности снабжать трудовое население оружием и организационно дельным и революционно честным, преисполненной трудовой инициативы, элементом.

Для партии большевиков и для Кубанина, действующего со своей книгой против махновщины, книгой, предназначенной к изучению революции, конечно, махновщина не может быть тем, чем она была в действительности. Он старается свести ее к случайному явлению в революции, а главного ее вдохновителя и руководителя – гуляй-польскую крестьянскую группу анархистов-коммунистов, во главе со мной, совершенно не упоминает.

Чувствуется, что он не прочь был бы и меня лично выбросить из круга движения, но нельзя. Меня легче всего ему топтать в грязь. Это несколько помогает ему свободней оплевывать и само движение. Меня Кубанин ни на шаг не отпускает, треплет, как только его язык болтается. «Вслед – продолжает Кубанин свою басню о махновщине – за отступавшими немцами шли белые... С ними махновская деревня вступила в борьбу. Фронт вытянулся на линии Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская. Здесь Махно не впервый раз изменил своему анархизму, поставив на собрании своего комсостава и штаба вопрос о необходимости введения принудительной мобилизации. Но присутствовавшие на собрании анархисты – Венгеров, Уралов, М. Черняк и друг., выступили против, результатом чего был провал мобилизации. «Махно учитывал крестьянскую психологию, интеллигенты анархисты, во имя защиты «святого принципа – отказа от насилия», фактически помогли белым одолеть Махновцев». Здесь гр. Кубанин прибегнул к истине в том, что махновская деревня вступила в борьбу с белыми и указал, вопреки большевистскому «обыкновению», истину о махновских фронтах против белых, специально для того, чтобы лягнуть меня и скрыть за анархической, Кубаниным вымышленной, деятельностью против неизвестной мне необходимости мобилизации, преступление своей партии, штабов красной армии на пути временной победы деникинской армии над махновцами.

Ни я, ни мой штаб и командный состав армии махновцев не знаем такого случая, чтобы я когда-либо предлагал или настаивал на какой бы то ни было необходимости мобилизации. Не знаю ни я и все мои близкие и такого случая, чтобы приезжие анархисты, в особенности М. Черняк и Венгеров, когда бы то ни было выступали перед командным составом, да еще против меня, доверие к которому командного состава было совершенно нетерпящим того, чтобы случайные элементы в движении его подрывали в нем. Время, о котором говорит гр. Кубанин, было такое, что армия махновцев состояла из более 30 тысяч вооруженных и более 70 тысяч организованных по селам и деревням местными подотделами основного штаба махновского движения, которые из-за отсутствия вооружения находились на своих домашних работах и по надобности сменить ту или другую уставшую на фронте боевую вооруженную единицу, сменяли таковую. Для борьбы с Деникиным у махновцев достаточно было революционных крестьян добровольцев. Но то обстоятельство, что партия большевиков и ее «советская» государственная власть боялись самоорганизовавшегося революционного украинского крестьянства под знаменем Махновщины, они всячески саботировали союз с махновщиной, по которому они должны были всегда во всем снабжать ее армию снарядами, патронами и винтовками, - это обстоятельство, главным образом, содействовало деникинским генералам во временной победе (весной 1919 года) над махновцами. Стоит только покопаться в штабе 2-й красной армии в моих требованиях патронов и снарядов (винтовок нам большевистское правительство ни разу не присылало, - мы добыли их у немцев, гетманцев и деникинцев), как можно наткнуться на такие факты, что патроны, высланные для армии махновцев, ходили две, три недели, где-то совершенно в другом направлении. И разве не я предупреждал красное командование о том, что в штабе 2-й армии видимо засели агенты Деникина, и разве они не были раскрыты после, когда уже навредили и армии махновцев, и красной армии. Без документов под рукой я не мастер разбрасываться фактами. Но Кубанину и кубаниным следовало бы знать, что заставило 2-ю красную армию переименовать в 14, когда Ворошилов принимал ее под свое командование. И разве не благодаря всем этим явлениям на красной вышке армия повстанцев-махновцев по неделе и по две оставалась в окопах без патронов и несла неисчислимые жертвы?

Правда, большевистским борзописцам трудно притти к той мысли, чтобы подумать о более серьезных документах при подходе к изучению фактов о Махновщине и ее деятельности и деятельности против нее за ее спиной, ее же «революционного» союзника – их партии. Директивов, видимо, нет на это, а потому нужно писать как можно больше о том, за что от всемогущего центра и славу заслужат и в забвении не останутся. И во имя этого, видимо, Кубанин продолжает свою басню далее: «Отряд был бы раздавлен, если бы с Севера в это время не подошла Красная армия...» Слышишь, читатель, отряд. Всего несколько строк выше это были силы, занимавшие фронт «Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская». Сейчас они стали отрядом, которого ожидала гибель, если бы не подошла и не спасла Красная армия.

Попробуем, оставив в стороне «отряд», беспристрастно подойти к Красной армии, пришедшей в январе-феврале месяце на Украину. Эта армия состояла из бригады (12 шт.) бронепоездов, под командой матроса Л., и отряда пехоты. Эти оба рода вооруженных сил находились под верховным командованием Дыбенко. От Курска до Харькова они шли без боя. Весь этот путь был освобожден восставшими крестьянами. Г. Харьков был занят отрядом анархиста Чередняка. От Харькова до Лозовой путь освобожден восставшими крестьянами, главным образом, под руководством анархистов и левых соц.-революционеров. От Лозовой до Синельникова и далее до Чаплины-Гришина-Волноваха-Верхний и Большой Токмак – вся эта территория была освобождена от немцев и белых повстанцами-махновцами. Большевики шли из России совершенно свободно по очищенным восставшими тружениками путям. И нам, махновцам, они помочь могли только патронами, орудиями и снарядами. Но орудий полевых у них не было, винтовок лишних тоже не было. Они дали 100.000 патронов и только. А мы, ставя интересы революции выше наших идеологических разногласий, ничего не имели против того, чтобы наши отряды в лице 6 и 4 повстанческих полков пошли под командой Дыбенка на Крым. Это факты, которые не подлежат никакому оспариванию и они побуждают меня спросить у гр. Кубанина и всего большевистского управления и распоряжения собранием и размещением материалов, по которым оно призывает «доблестных» Кубаниных писать по истории октябрьской революции и партии В.К.П.(б), - спросить у них именно о том: кто же кому действительно оказал в данном случае помощь и кого читатель со стороны книги Кубанина и моего ответа на нее должен считать политическими авантюристами, манкирующими даже на изучении истории революции?

Я думаю, что ни в каком случае не нас, повстанцев революционной Махновщины, читатель со стороны может назвать авантюристами. Мы на пути революции и целей обманутых, поработанных и угнетенных в ней до этого не доходили и пока имеем в себе достаточно убеждений, которые нас вполне поддержат и в будущем не допустят дойти до этого. Нам можно сказать, что мы спотыкались, что мы были жестоки или слишком мягки в своем прямом деле по отношению врагов революции и наших идей в ней, но мы не были авантюристами и угнетателями. Мы не были изменниками, угнетавшими тружеников. Мы жертвовали своими жизнями в непосредственной, прямой борьбе со всякого рода угнетателями, двигаясь сами и зовя и ведя других за собой вперед к свободному, светлому для настоящей и будущей жизни человечества, будущему, обрести которое, по-моему, можно только силами и твердостью угнетенных тружеников – крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции, - не делая из них кумира с правом на угнетение других.

Версия #1

created 6 апреля 2025 00:25:54

updated 6 апреля 2025 00:34:55